

дома, на полянке, уже две недели их не посылают на передовую. Рассказали, как мать за ними ухаживает, всех обстирала и т.д. что они ей очень благодарны. В это время зашел старшина батареи пообещал завтра же похлопотать, чтобы меня поместили в их санчасть. Они, мол, видят, кто я, кто мои родители и в благодарность за заботу моей матери о бойцах, сделают это.

Утихшая было канонада, всю дорогу преследовавшая нас, снова возобновилась и даже приблизилась. Перед рассветом прибежал старшина и крикнул два слова: «Подъем! Отбой-поход!» Бойцы вскочили и через несколько минут один из них одетый, с винтовкой заглянул ко мне и крикнул: «Держись! Мы временно уходим, немцы за железнодорожной насыпью! Но мы вернемся!»...

Наступило невеселое утро. Тишина, ни шума, ни выстрелов. Отец все время находился во дворе, у калитки, выглядывал на улицу. По улице проехал мотоцикл с коляской, на коляске пулемет. Тишина. На другой день оказалось, что немцы заняли трехэтажное здание школы напротив нас и устроили там узел связи, а пустой дом по соседству с нами заняла группа солдат, человек десять. Один прибежал к нам и сказал: «Мама, вашен, вашен!» Отец тут же перевел, что они просят постирать. Через день принесли еще десять пар белья, и попросили убрать у них в комнатах. Мама перед войной работала на заводе цеховым бухгалтером, у отца тоже была самая мирная профессия - музыкальный мастер, но голод не тетка. Пришлось отцу носить воду и топить печь, а мать стала прачкой. Немцы хорошо платили, и когда узнали, что мы голодаем, стали помогать продуктами, хлебом. Мое присутствие их мало интересовало, тем более, что отец объяснил им, что я пострадал при бомбёжке города - получил осколок в ногу.

Между тем фронт снова отодвинулся на восток до